
Сергей Томас
Человек и таракан: Духи поднебесной

Сергей Томас

Человек и таракан: Духи поднебесной

«Автор»
2026

Томас С.

Человек и таракан: Духи поднебесной / С. Томас — «Автор», 2026

Человек и таракан отправляются на гору Куньлунь — в сердце китайских легенд. Один ищет ответы, другой — лучший вид на мир. Вместе им предстоит пройти сквозь мифы, испытания и собственные страхи, чтобы понять величие не в размере шага, а в смелости его сделать. По дороге их ждут не только крутые склоны, но и настоящие чудеса. Духи троп, обожающие розыгрыши, путают следы так изящно, что даже карта начинает выглядеть как абстрактная живопись. Чем выше они поднимаются, тем яснее становится: самые трудные испытания — не снаружи, а внутри. Человеку предстоит встретиться с собственными сомнениями, которые на высоте звучат громче ветра.

© Томас С., 2026
© Автор, 2026

Человек и таракан: Духи поднебесной

Человек и Таракан: Духи Поднебесной

Глава 1. Дорога в никуда и билет в один конец

Мотор урчал ровно, будто и не знал, что несколько часов назад в этой машине сидели люди, которым теперь не суждено было сесть в неё снова. Серж от боли гибели друзей так сильно сжимал руль, пытаясь удержать эмоции внутри, а таракан, вопреки своим недавним мечтам про кофе и облака, молчал. Впервые за долгое время он не сыпал шутками, не комментировал каждый поворот, не предлагал свернуть к ларьку с едой.

Тишина в салоне была почти осязаемой — густая, как мёд, и такая же липкая. Дорога стелилась под колёса, фонари мелькали с монотонностью метронома, и каждый прожектор выхватывал из темноты кусок мира, который тут же снова проваливался в чёрную воду ночи. Серж поймал себя на том, что ведёт машину автоматически — руки на руле, нога на педали, глаза на дороге, а мысли где-то далеко, в том месте, откуда уже нет дороги назад.

— Знаешь, — наконец тихо сказал Серж, глядя на мелькающие за окном фонари, — я всё ещё слышу голос Вероники. Как она кричала моё имя. И этот звук… он не затихает.

— Потому что ты не хочешь, чтобы он затихал, — отозвался таракан после паузы. — Если затихнет — значит, всё по-настоящему. А пока кричит — можно делать вид, что это просто дурной сон.

— Спасибо, философ, — хмыкнул Серж. — Очень помогает.

— Стараюсь, — ответил таракан без тени иронии. И именно это отсутствие иронии было страшнее любого шёпота в темноте.

Серж прибавил газу. Не потому, что торопился — просто хотелось, чтобы звук мотора заглушил хоть что-нибудь. Спидометр полз вверх, ветер свистел в открытых окнах салона, и на секунду показалось, что если ехать достаточно быстро, можно обогнать собственные мысли. Нельзя. Но показалось.

Гараж встретил их привычной смесью запахов: озон, бетон, старое масло и чуть-чуть палёной проводки. Серж не стал включать верхний свет — хватило тусклой лампы над его рабочим столом, которая мерцала с ленивой периодичностью уставшего маяка. Он быстро, почти механически, собрал самое нужное и, самое главное, осколок метеорита, завёрнутый в свинцовую фольгу и упрятанный в специальный контейнер с фиксаторами. Контейнер был тяжёлым — свинец есть свинец, — и Серж перехватил его двумя руками, как что-то живое и опасное. Что, в сущности, было правдой.

Таракан наблюдал за сборами внутри черепной коробки, где устроился, будто на трибуне.

— Ты уверен, что Китай — это не просто слово, которое первым пришло в голову? — спросил он. — Может, лучше в тайгу? Там тихо, медведи не задают лишних вопросов. И мед — бесплатный. Если, конечно, ты готов отбирать его у тысячи разозлённых пчёл.

— Китай хранит свои тайны, а я люблю тайны, да и тут меня теперь ничего не держит, — ответил Серж, застёгивая сумку. — Я читал ссылки, статьи, их фольклор… Там есть те, кто сталкивался с чем-то «не из этого мира». Если у нас теперь есть эти… способности… может, там сможем раскрыть себя полностью, открыть новые тайны, найти покой. Или хотя бы не сойти с ума.

— Или скажут: «О, привет, это у тебя в голове таракан? У нас тут целая секция таких. Второй этаж, направо, после отдела по изучению чжаньши».

— Именно, — серьёзно кивнул Серж.

— Ты вообще хоть по-китайски говоришь? — спросил таракан, наклоняя голову — насколько это возможно для существа, у которого голова и тело — примерно одно и то же.

— Ни слова, — признал Серж.

— Отлично. Просто великолепно. Мы летим в страну с населением в полтора миллиарда, не зная ни одного иероглифа. Ты хоть понимаешь, что меню в ресторане для нас будет как древний манускрипт? Мы закажем суп, а нам принесут жареного скорпиона.

— Может, скорпион нам понравится.

— Может, и так. Но я бы предпочёл знать заранее, что я ем. У меня принципиальное отношение к составу блюд.

Подделка документов заняла у Сержа меньше времени, чем сборка вещей. Фотография Юры была искусно заменена на фото Сергея. Паспорт на имя Юрия Дубова теперь выглядел так, будто его годами таскали в заднем кармане джинсов. Серж даже добавил ему пару царапин и пятно от кофе — для достоверности.

— Выглядит убедительно, — признал таракан, изучая результат с такой придирчивостью, будто всю жизнь проработал в пограничной службе. — Хотя пятно от кофе слишком круглое. В жизни так не бывает. Люди проливают кофе неровно — когда роняют, когда дёргаются, когда кто-то орёт «посадка на рейс объявили!». А у тебя — идеальный круг. Будто штамп поставили. Кофейный штамп.

— Ты когда-нибудь видел, чтобы пограничник изучал форму кофейного пятна? — устало спросил Серж.

— Нет. Но я таракан. Мы замечаем такие вещи. Профессиональная деформация.

— Главное, чтобы не пришлось сдавать отпечатки пальцев, — отвечал Серж, пряча документы в нагрудный карман.

— А если придётся? — не унимался таракан.

— Тогда скажу, что обжигал руки у костра.

— Отличный план. А я скажу, что я — родимое пятно. Большая, подвижная, с усами.

Глава 2. Тень в чёрном

Тем временем в тёмном переулке, куда редко заглядывали уличные фонари, лысый мужчина в чёрной одежде, тот самый, что когда-то допрашивал Сержа у озера, держал в руках телефон Марии. Экран был разбит — паутина трещин расходилась от центра, как будто кто-то очень точно ударил по нему, — но память внутри ещё жила. Его помощник, молодой парень в такой же чёрной форме, склонился над ноутбуком, подключая телефон через кабель. Свет экрана ложился на его лицо голубоватым мертвенным пятном.

— Данные все целы, — отрапортовал помощник, быстро прокручивая список файлов. — Фото, контакты, сообщения. Даже заметки в блокноте. Она вела дневник, представьте.

— Не удивлён, — спокойно произнёс лысый, не поворачивая головы. — Люди, которые знают слишком много, всегда ведут дневники. Это их способ делать вид, что ситуация под контролем. Если записать — значит, можно осмыслить. Если осмыслить — значит, можно пережить. Заблуждение, разумеется.

Он взял телефон, повертел в руках, словно оценивая вес чужой жизни. Положил аппарат в герметичный пакет — медленно, аккуратно, с привычкой хирурга, который упаковывает образец ткани. В его движениях не было спешки — только холодная уверенность человека, который привык, что мир подчиняется его планам. А если не подчиняется — значит, план нужно слегка скорректировать.

— Что с Сергеем? — спросил помощник.

— Он — вопрос времени, — ответил лысый. — Этот… Серж. Он сделал одну ошибку.

— Какую?

— Он думает, что убежал. А убегающий человек всегда торопится. Торопящийся человек оставляет следы. А следы — это просто дороги, которые кто-то ещё не прошёл.

Помощник замолчал. Лысый убрал кейс, застегнул молнию на куртке и шагнул в темноту переулка. Его силуэт растворился так быстро, будто тень просто забрала своё обратно.

— Будем и дальше продолжать наблюдение за ним, — сказал он уже из темноты, и голос прозвучал так, будто он обращался не к помощнику, а к кому-то гораздо более важному.

Глава 3. Полёт в неизвестность

В аэропорту Серж старался не смотреть по сторонам, не встречаться взглядами, не привлекать внимания. Он шагал по терминалу с видом человека, который опаздывает на важную встречу, а не бежит от собственной жизни. Разница, впрочем, была чисто косметической — и в том, и в другом случае сердце колотилось одинаково.

Таракан, спрятавшийся в глубине сознания, время от времени подавал голос:

— Тут кофе пахнет так, будто его варили в бочке из-под машинного масла. Ты точно хочешь лететь? Может, сначала выпьем чего-нибудь нормального? Я слышал, в первом классе подают орехи. Орехи, Серж! Настоящие! Не из лаборатории, не из формы для реактивов — из пакета!

— Мы уже купили билеты, — тихо ответил Серж, не шевеля губами. — И прошли регистрацию. Назад дороги нет.

— Ну, если только мы не устроим панику и не скажем: «Ой, я забыл кота в зале ожидания!» — и потом с невинным видом вернёмся к выходу.

— Ты когда-нибудь видел у меня кота?

— Нет. Но я никогда не видел у тебя и нормальной жизни — однако ты как-то умудряешься притворяться, что она у тебя есть.

Паспортный контроль прошёл на удивление гладко. Сотрудница аэропорта мельком взглянула на фото, потом на Сержа, потом снова на фото. На секунду Сержу показалось, что сейчас всё рухнет, что его раскроют, задержат, начнут задавать вопросы, на которые ему не хотелось бы отвечать. Но сотрудница зевнула — и этот зевок был красноречивее любого допроса. Ей было скучно. Ей было всё равно. И это «всё равно» было лучшим документом, чем любой паспорт.

— Видишь? — прошептал таракан, когда они отошли от стойки. — Иногда мир настолько занят своими делами, что ему некогда замечать, что кто-то притворяется другим человеком. Люди — удивительные существа. Могут не заметить слона в комнате, если в этот момент листают ленту новостей.

— Не расслабляйся, — продолжал Серж. — Самое сложное ещё впереди.

— Это ты о таможне в Китае или о том, что нам пять часов сидеть в кресле, которое сконструировал человек, явно ненавидевший позвоночники?

В самолёте он сел у окна и смотрел, как город внизу превращается в россыпь огоньков, а потом и вовсе исчезает в темноте. Огни гасли по одному — не резко, как выключатель, а постепенно, нехотя, будто каждый фонарь прощался с городом по-своему. Потом внизу осталась только чернота, и Серж поймал себя на мысли, что эта чернота — самое спокойное, что он видел за последние сутки.

Таракан устроился где-то на периферии мыслей, не мешая, просто находясь рядом. Как тень, которая решила, что отдыхать — тоже работа.

— Слушай, — вдруг сказал Серж, когда самолёт набрал высоту и ровный гул двигателей заполнил салон, как фоновая музыка в пустом магазине, — а ты… ты ведь тоже изменился после слияния. Ты раньше не был таким… глубоким.

— Я всегда был глубоким, — фыркнул таракан. — Просто раньше ты не слушал. Ты вообще мало слушал. Ты был из тех людей, которые кивают, а сами думают о форме пятна на кофейной чашке.

— Прости, — тихо произнёс Серж.

— Да ладно. Мы теперь команда. Даже если команда состоит из человека и таракана. Звучит как название для плохого сериала. «Человек и таракан» — следующий на канале после «Кошка и подозрительный сосед».

— Ты утешаешь или издеваешься? — спросил Серж, чуть улыбнувшись.

— Оба сразу. Я универсален.

Серж откинулся в кресле и закрыл глаза. Где-то за облаками — нет, не облаками, за целой страной, за границей, за четырьмя тысячами километров — его ждал Китай. Чужой, огромный, древний, непонятный. И от этого — притягательный, как неразгаданная формула.

Глава 4. Первые шаги в новом мире

Китай встретил их шумом, жарой и запахом жареной лапши, который проникал даже сквозь закрытые окна такси. Запах был такой плотный, такой настойчивый, будто он не просто просился внутрь, а требовал, чтобы его пустили, — как очень голодный, очень вежливый гость.

Серж попросил водителя отвезти их в старейший район города. Водитель кивал, не задавая лишних вопросов. Это было первое, что Сержу понравилось в Китае: здешние люди не задавали лишних вопросов. В отличие от таракана.

— Ты хоть понял, куда он нас везёт? — спросил таракан на полпути.

— Нет.

— Отлично. Мы в незнакомой стране, не знаем языка, не знаем адреса, и водитель, по-моему, вообще не понимает, что я тебе говорю. Хотя — стоп — он вообще-то не слышит, что я говорю, потому что я говорю в твоей голове. Но суть остаётся: мы летим вслепую в старый район многомиллионного города. Я правильно излагаю?

— Абсолютно.

— Хорошо. Просто хотел убедиться, что мы на одной волне. Знаешь, обычно в таких ситуациях говорят «Что может пойти не так?», но я лучше промолчу. Скромность украшает.

Когда они вышли из машины, перед ними раскинулся узкий переулок, зажатый между старыми домами и современными вывесками. Контраст был разительным: бетонные коробки с неоновыми иероглифами жались к кривым стенам с деревянными ставнями, из-за которых тянуло ладаном и старым чаем. Где-то играла музыка — незнакомая, пентатоника, мелодия, которая шла кругами, как собака, догоняющая собственный хвост. Где-то торговали уличной едой — масло шипело на раскалённых сковородах, и дымок поднимался в вечернее небо тонкими змеями. А в одном из дворов, за тяжёлой деревянной дверью, горел тусклый свет — тёплый, медовый, как будто кто-то специально настроил его так, чтобы он говорил: «Заходи. Тут спокойно. Тут не торопятся».

— Смотри, какое интересное место, — сказал Серж, сжимая ручку сумки.

— Или ловушка, — добавил таракан. — Но мы ведь не из тех, кто боится ловушек, правда?

— Из тех, кто их расставляет, — мрачно усмехнулся Серж.

— Ну что, — прошептал таракан, устраиваясь поудобнее в голове, — похоже, наши приключения только начинаются.

— Похоже на то, — тихо согласился Серж. — Но на этот раз давай попробуем без крови. Хотя бы пару дней.

— Договорились, — хмыкнул таракан. — Пару дней без крови. Потом посмотрим.

— Предлагаю поесть и остановиться вон в том уютном домике, украшенном ветвями персикового дерева и ивы, — воодушевлённо проговорил Серж, указывая на приземистое здание в глубине двора. — По виду ему не меньше нескольких сотен лет, а может, и больше.

— Персиковое дерево, — задумчиво протянул таракан. — Знаешь, в китайском фольклоре ветви персика отпугивают злых духов. Ты уверен, что хочешь зайти туда, где тебя специально защищают от нечисти? Может, там нечисти столько, что без персиковых веток просто не выжить?

— Или, может, там просто спокойно, — ответил Серж.

— Или там так спокойно именно потому, что всю нечисть уже отпугнули. А мы-то с тобой… мы теперь тоже, считай, не совсем обычные. Вдруг персиковые ветки и на нас подействуют?

Серж остановился у двери и посмотрел на ветки. Тёмные, узловатые, они свисали над входом, как занавес, сотканный из древесных вен. Таракан умолк. Серж взялся за кольцо на двери — холодное, латунное, стёртое от тысяч прикосновений — и потянул.

Дверь открылась с тихим скрипом, который звучал не как звук, а как приветствие — деликатное, ненавязчивое.

Внутри его встретила милая женщина преклонных лет. Невысокая, в простом тёмно-синем платье с лёгкой вышивкой по воротнику — птицы, кажется, или цветы, — с лицом, на котором морщины лежали не как следы времени, а как линии на карте страны, которую давно знают и любят. Она улыбнулась — не широко, не напоказ, а так, как улыбаются люди, которым не нужно ничего объяснять, потому что они и так всё понимают.

На первом этаже располагалось уютное кафе. Небольшое — пять или шесть столиков, каждый накрыт льняной скатертью, на стенах развешаны старые фотографии в деревянных рамках и каллиграфия на рисовой бумаге. Истёртой, пожелтевшей, с кляксами, которые кто-то когда-то попытался превратить в часть рисунка — и у него получилось. Пахло соевым соусом, кунжутом и чем-то дымным, сладковатым — может быть, анисом, а может, просто старостью, которая умеет пахнуть вкусно.

Она разместила Сержа за угловым столиком у окна, из которого виднелся внутренний двор с каменным фонтанчиком, не работавшим, но полным прозрачной воды с плавающими листьями, и предложила гостю курицу гунбао, мапо тофу и рагу из шести злаков, не забыв, конечно, про кувшинчик домашнего вина. Произнесла она это на ломаном русском — с акцентом, но удивительно разборчиво, как будто специально выучила несколько фраз именно для таких вот гостей, забредающих с улицы в поисках не столько еды, сколько чего-то ещё.

Серж одобрительно кивнул, а у таракана потекли слюни прямо на мозг Сергея.

— Ты чувствуешь это? — выдохнул таракан благоговейным шёпотом. — Это гунбао. Гунбао, Серж! Настоящий. Не из микроволновки, не из пакета с надписью «Быстро и удобно». Настоящий, как при дворе. Знаешь, в эпоху Цин это блюдо подавали императору. Императору, Серж! А мы сейчас будем есть как император. Ну, как император и его таракан.

— Ты только что сам себе сократил статус до «таракана императора».

— И горжусь этим. Звучит как почётная должность. Таракан Его Императорского Величества. Могу водрузить себе на голову крошечную корону.

Когда еда прибыла, Серж понял, что его представления о китайской кухне до этого момента были примерно как представления о космосе у человека, который один раз посмотрел в телескоп на школьном дворе. Курица гунбао оказалась не просто «курицей с арахисом» — это был пожар и лёд одновременно, сычуаньский перец жёг нёбо, но за ним приходило что-то холодное, мятное, как будто блюдо дышало. Мапо тофу — нежный, почти воздушный — таял во рту, оставляя после себя тёплое покалывание, как будто кто-то очень маленький и очень добрый щекотал тебе язык. Рагу из шести злаков было густым, землистым, основательным — еда, которая словно говорила: «Я здесь давно. Я никуда не тороплюсь. И ты тоже не торопись».

А вино… Вино было тёплым, сладковатым, с лёгкой кислинкой и ароматом, который Серж не мог определить, но который напомнил ему осень — не конкретную осень, а осень как идею, как концепцию: увядание, которое красивее цветения.

— Если я умру прямо сейчас, — прошептал таракан, — я умру счастливым. Запомни это. Напиши на моей могиле: «Он умер за гунбао».

— Ты почти бессмертный, — напомнил Серж, отправляя в рот очередную порцию тофу. — Ты не можешь умереть от старости.

— Тогда я буду жить счастливым. Что, в сущности, ещё лучше.

Пока Серж уплетал за обе щеки вкусности, он между делом — будто невзначай, будто это был просто светский разговор, а не вопрос жизни и смерти — спросил о горе Куньлунь и о богине Си Ванму. Произнёс название не сразу — сначала показал рукой, как будто рисовал гору в воздухе, потом попытался воспроизвести звучание, которое прочитал в переводчике. Получилось не идеально, но хозяйка поняла.

Она остановилась. Не испуганно — нет. Скорее, как человек, который давно ждал этого вопроса и сейчас решал, насколько готов ответить. Взгляд её на секунду стал далёким, словно она смотрела сквозь Сержа, сквозь стену за его спиной, сквозь несколько столетий фасада, и видела что-то, чего он видеть не мог.

Госпожа Минь — так звали хозяйку старинного дома — присела напротив. Налила себе чаю — не вина, именно чаю, — и начала рассказывать.

— Си Ванму, — произнесла она медленно, и каждое слово ложилось в воздух, как камень в воду, расходясь кругами, — живёт на горе Куньлунь. Это не просто гора. Это… ось мира. Место, где небо касается земли. Там растут персики бессмертия. Тот, кто их отведает, живёт вечно, понимает вечность или открывает свои внутренние силы. Но попасть туда нельзя. Точнее, нельзя тому, кто ищет дорогу ради выгоды. Заветная тропа открывается только тем, кому она нужна не для того, чтобы взять, а для того, чтобы понять.

Она замолчала, отпила чай и посмотрела на Сержа так, будто проверяла, слушает ли он по-настоящему, или просто кивает, как все остальные.

— Я слушаю, — сказал Серж. — По-настоящему слушаю.

Госпожа Минь кивнула — словно отметила что-то для себя — и продолжила:

— Си Ванму не богиня в вашем понимании. Она не сидит на троне и не раздаёт блага. Она — хранительница. Она решает, кто достоин, а кто нет. И критерий у неё один: мотив. Если ты идёшь за бессмертием — она не пустит. Если ты идёшь за знанием — может быть. А если ты идёшь за ответом на вопрос, который не можешь сформулировать, — тогда, может быть, верная дорога сам тебя найдёт.

— Это звучит как… — Серж замялся, подбирая слово, — …как алхимия. Не в смысле ртути и серы, а в смысле пути. Внутреннего превращения.

Госпожа Минь слегка приподняла брови — жест, который Серж не мог расшифровать: удивление? Одобрение? Или узнавание?

— Алхимия, — повторила она. — Да. Именно так это и называется. Но алхимия — не поиск золота. Алхимия — это поиск того, что уже есть, но спрятано. Как золото в руде. Железо ты видишь, золото — нет. Но оно там. Всегда там.

Серж почувствовал, как таракан внутри него замер. Не замолчал — именно замер, как будто услышал что-то, что не вписывалось в его обычный поток шуток и комментариев. Потом тихо, почти шёпотом, произнёс:

— Железо и золото. Она знает про руду. Она знает, Серж.

Госпожа Минь, словно услышав, продолжила:

— Есть старая история. Не из книг. Из уст. Говорят, что когда-то на Куньлунь пришёл человек. Профессор. Очень умный. Он изучал естествознание: камни, звёзды, растения, движение воды. Он думал, что его знание — ключ. Но гора не открылась. Он ждал год, потом два, потом десять. И когда он уже собрался уйти, исчезнуть, как все, кто не нашёл, — к нему пришла она. Си Ванму. Не как богиня — как старуха с корзиной персиков. Она дала ему пер-

сик и сказала: «Ты искал золото в камне. А золото было в тебе. Съешь — и поймёшь». Он съел. И понял.

— Что он понял? — спросил Серж, и голос его был тише, чем он хотел.

Госпожа Минь улыбнулась — той самой улыбкой, которая не отвечает на вопрос, а перекладывает его обратно к спрашивающему:

— Этого я не знаю. Он не вернулся, чтобы рассказать. Но говорят, что он не умер. Он… ушёл. Туда, куда уходят те, кто понял.

— Удобная концовка, — заметил таракан, но без обычного сарказма. Скорее, с уважением. Или с чем-то похожим на уважение — у тараканов это, наверное, одно и то же.

Серж поблагодарил хозяйку за поистине королевский ужин и рассказы о фольклоре старого Китая. Слова «королевский» она, кажется, не поняла — но это было не страшно, потому что язык благодарности, как и язык голода, универсален. Он оплатил еду и номер — госпожа Минь отсчитала сдачу с такой неспешной точностью, будто каждый юань имел свою историю, — затем проводила его до комнаты.

Они шли по узкому коридору, стены которого были увешаны каллиграфией — иероглифы текли по рисовой бумаге, как реки по карте, и Серж не понимал ни одного, но чувствовал: каждый что-то значит. Госпожа Минь шла впереди, и шаги её были бесшумны — не потому что она кралась, а потому что привыкла двигаться так, будто пол — её старый друг, с которым не принято шуметь.

Комната оказалась именно такой, как обещала госпожа Минь: кровать с жёстким матрасом, на котором, казалось, спали ещё при императоре, и окно, выходящее на стену соседнего здания. Стена была старая, потрескавшаяся, и в трещинах рос мох — маленький, упрямый, зелёный, как будто кто-то очень давно решил, что жизнь пробьётся даже сюда. На тумбочке стоял глиняный чайник — с водой, — и лежала карточка с каллиграфией: всего два иероглифа. Серж понятия не имел, что они значат.

— «Спи спокойно», — вдруг сказал таракан.

— Ты умеешь читать по-китайски?! — Серж даже сел на кровать от удивления.

— Нет. Но «спи спокойно» — это единственное, что имеет смысл писать на карточке у постели в гостинице. Логика, Серж. Чистая логика.

— А если там написано «Не курить в постели»?

— Это было бы слишком длинно. Два иероглифа — значит, что-то короткое и важное. «Спи спокойно» подходит идеально. Другой вариант — «Выход справа», но это для коридора, а не для тумбочки. Третий — «Береги себя», но это уже сентиментальность, которая, судя по облику дома, тут не в ходу. Так что — «Спи спокойно». Я готов спорить.

— Ты не можешь спорить. Ты не можешь поставить на кон.

— Ставлю своё уважение к себе. Оно, конечно, маленькое, но моё.

Серж, впрочем, не жаловался на комнату — он слишком устал, чтобы замечать подобные мелочи. Таракан, наоборот, оживился и принялся изучать трещины на потолке, как будто это был какой-то древний манускрипт.

— Красота, — прокомментировал он. — Неужели тебе не хочется остаться тут навсегда? Смотреть, как время медленно завоёвывает этот архитектурный шедевр? Лично я бы не отказался от такой идиллии. Тут есть всё: трещины, мох, тишина и то, что завтра будет чай.

— Ты бы от любой идиллии не отказался, лишь бы не работать, — парировал Серж, разворачивая сумку. — Но, к сожалению, у нас другие планы. Завтра идём к горе. Или как минимум пытаемся узнать, как туда попасть.

— К горе Куньлунь, — повторил таракан с нарочитой торжественностью. — К богине Си Ванму. К персикам бессмертия. Куда, возможно, даже не пустят, потому что мы, видите ли, идём с неправильным мотивом. Знаешь, если она спросит, зачем мы пришли, что ты скажешь?

«Здравствуйте, я учёный, у меня в голове живёт таракан, мы недавно слились с метеоритом, и нам очень нужно поговорить с вами». Звучит как диагноз.

— Звучит как правда, — ответил Серж. — А правда, как правило, работает лучше, чем ложь. По крайней мере, её не нужно запоминать.

— Глубокая мысль. Ты её сам придумал или это госпожа Минь на тебя так подействовала? Она, кстати, странная. Ты заметил?

— Заметил что?

— Она слишком спокойна. Слишком… знает. Обычно люди, которые рассказывают легенды, говорят с воодушевлением, как экскурсоводы: «А вот тут, представьте себе, дракон!» А она говорила так, будто рассказывала о соседке, которую знает лично. «Си Ванму живёт на Куньлунь» — не «В легенде говорится, что Си Ванму живёт», а просто «живёт». Настоящее время. Как будто она там вчера была. На чаёк заходила.

Серж помолчал. Потом сказал:

— Может, она и была там вчера. Мы же не знаем, кто она на самом деле. Этот дом… ему сотни лет. Она… тоже. Или нет. Или она просто старая женщина, которая хорошо умеет рассказывать истории. В любом случае, завтра узнаем больше.

Таракан тяжело вздохнул, изображая глубокую печаль:

— Ах да, забыл. У нас же великое предназначение, поиск смысла жизни и всякая такая чепуха. Непременно завтра. Не послезавтра, не на следующей неделе — именно завтра. Потому что у людей, которые бегут от чего-то, нет понятия «отложить». Бегство не терпит прокрастинации.

— Ты лучше поспи, — посоветовал Серж, укладываясь на жёсткое ложе. — Завтра нам понадобятся все наши силы, чтобы добраться до вершины и отыскать мистические места.

— Ага, и чтобы при этом нас не разорвали местные старожилы или злые духи, — добавил таракан. — Судя по всему, скучно нам не будет.

— Ладно, до завтра, философ.

— До завтра, беглец, — ответил таракан, устраиваясь поудобнее между полушариями мозга.

Где-то за окном, за стеной соседнего дома, за мхом в трещинах, за всем этим старым, медленным миром, который не торопился никуда уже несколько столетий, — где-то там, далеко, ждала гора. И, может быть, гора тоже ждала. Хотя, наверное, горам не положено ждать. Они просто стоят. Но эта, Куньлунь, — она, кажется, умела и ждать, и выбирать, и решать, кто достоин, а кто — нет.

Серж закрыл глаза. Впервые за долгое время темнота была не пугающей. Тихий дом, запах чая, мерный звук капающей где-то во дворе воды, и в голове — еле заметное, тёплое присутствие таракана, который тоже молчал.

В фургоне с тонированными стёклами, припаркованном в паре улиц от старого квартала, помощник лысого мужчины — молодой человек с короткой стрижкой и глазами, которые редко моргали, — настраивал приёмник. Экран ноутбука мерцал в темноте, и на нём, как электрокардиограмма, пульсировала звуковая волна: дыхание спящего человека, тихое, ровное, с едва заметными паузами между вдохами.

— Он спит, — сказал помощник, не отрываясь от экрана. — Телефон лежит на тумбочке, микрофон активен и Wi-Fi-роутер помогает, отражая сигналы от стен, можно сформировать картинку. Записываю.

— Хорошо, — ответил лысый мужчина. Он сидел на откидном стульчике у стены фургона и читал распечатку — список частот, координат и временных меток. — Что он говорил за ужином?

— Разговоры о горе Куньлунь. О богине Си Ванму. Персики бессмертия. Всё по плану — он движется к объекту. Но есть кое-что ещё.

— Слушаю.

— Он говорил сам с собой. Тихо, почти шёпотом. Но голоса два. Один — его, второй — выше, быстрее, с… я не знаю, как это описать. С интонацией, которая не похожа на раздвоение личности. Скорее — на диалог. Два разных тембра, два разных ритма речи.

Лысый мужчина поднял голову от распечатки.

— Два голоса.

— Да. Второй голос комментирует, шутит, иногда спорит. Причём делает это с задержкой, как будто слушает, а потом отвечает. Не одновременно. Не эхо. Именно отвечает.

Помощник вывел на экран спектрограмму: две звуковые дорожки, переплетённые, но чётко различимые — одна широкая, ровная, человеческая, вторая узкая, с резкими пиками, как у существа, чей голосовой аппарат устроен иначе.

— Это не шизофрения, — сказал помощник, будто опережая вопрос. — А тут — разница физическая. Как будто говорят два разных организма.

Лысый мужчина помолчал. Потом аккуратно сложил распечатку, убрал её в папку и сказал:

— Отправьте данные в лабораторию аномальных исследований. Пометьте: «Возможный симбиоз. Двойная вокализация. Источник — объект Серый». Мы понимали, что с ним произошли изменения, но какие именно — точно не знали. Продолжайте запись. Каждое слово. Каждую паузу. Даже когда он молчит.

— А если он выбросит телефон? — спросил помощник.

— Не выбросит, — ответил лысый. — Он учёный. Учёные не выбрасывают инструменты. Они их чинят, даже когда они сломаны. Особенно когда сломаны.

Серж проснулся от того, что солнечный свет, пробиваясь сквозь окно в стене, рисовал на полу идеальный прямоугольник — как будто кто-то специально выставил рамку для картины под названием «Утро в гостинице, где не платили за вид». Таракан уже был на ногах — точнее, на своих шести лапках, — и с важным видом осматривал чайник, будто тот мог выдать государственную тайну.

— Слушай, — начал он без предисловий, — а если гора и правда открывается только тем, кто не ищет выгоды, то мы, получается, идём туда с чистой совестью. Никакой выгоды. Только сплошной альтруизм и, может быть, лёгкий интерес к персикам.

Серж хмыкнул, завязывая шнурки. «Интерес к персикам» — это, конечно, звучало благородно, если не уточнять, что сами персики, по слухам, дают бессмертие, а бессмертие, в свою очередь, — это очень удобная штука, чтобы не торопиться с делами. Впрочем, он решил не спорить.

— Итак, — таракан продолжил, — наш план: спуститься вниз, спросить у госпожи Минь дорогу, а потом… пойти. Прямо сейчас. К горе, обросшей легендами. Как ты думаешь, она даст нам карту или просто скажет «идите на запад»?

— Она скажет «идите туда, куда идёте», — ответил Серж, — а потом добавит, что дорога сама найдёт нас, если мы того стоим.

— А если не стоим?

— Тогда она, видимо, найдёт кого-то другого.

Таракан задумался, почесал за ухом — или то место, где у него могло быть ухо, — и резюмировал:

— Значит, главное — не искать выгоды, а искать ответы. Идеально. У нас их как раз ноль. Так что мы в самом лучшем положении.

Серж улыбнулся. Ирония в голосе таракана была настолько густой, что её можно было резать ножом, но в ней, как ни странно, не было злости. Скорее — усталая мудрость тех, кто привык, что жизнь всегда подкидывает сюрпризы. Он вышел из комнаты, притворил дверь и направился вниз, где пахло чаем и старыми историями.

Серж спустился по узкой деревянной лестнице, ступени которой скрипели под ногами, будто перешёптывались: «Осторожно, тут уже сто лет никто не ходил». Внизу, в полутёмном зале кафе, госпожа Минь стояла у полки с банками и аккуратно, почти ритуально, переставляла их местами. На ней было то же тёмно-синее платье, но теперь поверх него накинут лёгкий фартук с вышитыми драконами — маленькими, едва заметными, будто они прятались от посторонних глаз.

— Доброе утро, — сказал Серж, стараясь, чтобы голос звучал уверенно, а не так, будто он только что проснулся и всё ещё не до конца верит, что находится в Китае.

Госпожа Минь подняла голову, улыбнулась — не широко, а так, будто улыбка была драгоценной вещью, которую она берегла для особенных гостей.

— А, наш путешественник. Садись. Сейчас будет чай. И немного завтрака, чтобы дорога не казалась слишком длинной.

Серж сел за тот же угловой столик. Таракан тут же заёрзал где-то в мозгах, как ребёнок, которому пообещали конфету, но не сказали, какую именно.

— Слушай, — прошептал он, — если она сейчас предложит нам мапо тофу, я официально заявляю: это знак судьбы. Мы должны его съесть. Ради баланса вселенной.

— Ради баланса вселенной ты вчера съел две порции, — тихо ответил Серж.

— Вселенная, кажется, уже в равновесии.

— Вселенная — штука капризная. Равновесие держится недолго.

Госпожа Минь поставила перед ним чашку чая — не прозрачного, как обычно, а тёмного, почти янтарного, с лёгким дымным ароматом. Рядом легла тарелка с паровыми булочками и миска, в которой что-то загадочно булькало.

— Это… — Серж осторожно наклонился, пытаясь распознать запах, — что-то очень древнее?

— Это суп из корня лотоса и грибов шиитаке, — спокойно сказала госпожа Минь, присаживаясь напротив. — Он помогает слышать тишину. А в горах тишина говорит громче, чем ветер.

Таракан замер. Потом очень медленно, с преувеличенной осторожностью, произнёс:

— Слышать тишину. Звучит как инструкция к сломанному радиоприёмнику. Или как предупреждение. «Осторожно: тишина может быть опасной».

— Тишина не опасна, — мягко сказала госпожа Минь, будто слышала его. Или, может, она просто привыкла к тому, что в её кафе говорят не только вслух. — Опасны те, кто её не слышит. Они наступают на хвосты драконам.

Серж сделал глоток чая. Вкус был странным: в нём чувствовались дым, мёд и что-то ещё — едва уловимое, как воспоминание, которое никак не удаётся поймать.

— Мы хотели бы… — начал Серж, подбирая слова. — То есть, я хотел бы… узнать, как добраться до горы Куньлунь.

Госпожа Минь не удивилась. Не нахмурилась, не покачала головой, не сказала «туда не ходят». Просто посмотрела на него так, будто ждала этого вопроса с тех пор, как он вошёл в дверь.

— До Куньлуня нет дороги, — сказала она спокойно. — Есть только направление. И попутчики.

— Попутчики? — переспросил Серж.

— Да. Потому что одному туда идти нельзя. Гора не любит одиночек. Она думает, что они пришли за чем-то своим, а не за тем, что она готова отдать.

Таракан фыркнул:

— Ну, мы точно не одиночки. У нас тут целая команда: один человек, один таракан и, возможно, ещё пара голосов, которые пока не представились.

Госпожа Минь чуть заметно улыбнулась, будто услышала.

— Сегодня в город приезжает проводник, который знает горные тропы. Его зовут Лао Чжоу. Он будет на рынке у старого моста. Если успеете до полудня, он, возможно, согласится вас проводить. Но не обещайте ему ничего. Лао Чжоу не любит обещаний. Он говорит, что обещания — это долги, а долги в горах тяжелеют с каждым километром.

— Спасибо, — искренне сказал Серж. — Это уже больше, чем просто «идите на запад».

— Пожалуйста, — ответила добрая хозяйка. — И ещё… — она наклонилась чуть ближе, и голос её стал тише, — не пытайтесь обмануть гору. Она не злая, но она очень внимательная. Она замечает, когда сердце говорит одно, а ноги идут к другому.

Глава 5. Начало пути

Когда они вышли на улицу, город уже гудел, как огромный улей. Солнце стояло высоко, воздух был горячим и влажным, пахло жареными орехами, специями и чем-то сладковатым — то ли цветами, то ли сиропом для выпечки.

— Итак, — сказал таракан, оглядываясь по сторонам, будто пытался запомнить каждую деталь, чтобы потом, если что, нарисовать карту, — рынок у старого моста. Это звучит как место, где можно купить всё: от редкого корня до сомнительной легенды.

— Главное — не купить легенду вместо проводника, — заметил Серж.

Они шли по узким переулкам, где вывески висели так низко, что приходилось пригибаться, а между домами натягивали верёвки с бельём, будто это были флаги, обозначающие границы невидимых королевств. Люди кивали, не удивляясь, будто появление иностранца в таком нетуристическом месте было самым обычным делом.

На рынке было шумно, пёстро и немного хаотично. Торговцы кричали, предлагая свой товар, дети бегали между прилавками, собаки дремали в тени, а воздух был настолько насыщен запахами, что казалось, будто его можно есть ложкой.

— Вон он, — вдруг сказал таракан, вытягивая… ну, то, что у него было вместо шеи. — Видишь? Тот, в соломенной шляпе, с мешком на плече. У него вид человека, который знает, где заканчиваются дороги и начинаются тропы.

Лао Чжоу действительно выглядел так, будто провёл половину жизни в горах, а вторую — рассказывая о них. На нём была простая одежда, поношенная, но чистая, а на плече висел мешок, из которого торчали какие-то свёртки и верёвки. Он стоял у прилавка с сушёными травами и что-то тихо обсуждал с торговцем.

— Господин Лао, — осторожно начал Серж, подходя ближе. — Нам сказали, что вы знаете горные тропы. Мы ищем путь к горе Куньлунь.

При общении Серж использовал переводчик: развившиеся у него способности помогали ему быстро запоминать информацию, включая новые языки.

Лао Чжоу поднял глаза. В них не было ни удивления, ни подозрительности — только лёгкая усталость человека, который слишком часто слышал этот вопрос.

— Куньлунь, — повторил он, словно пробуя слово на вкус. — Многие хотят туда. Одни — за поиском бессмертия. Другие — за знаниями. Третьи — просто потому, что это далеко и там можно спрятаться.

— Мы… — Серж запнулся, вспомнив слова госпожи Минь. — Я не ищу выгоды. Просто хочу понять кое-что.

Лао Чжоу посмотрел на него долго и внимательно, будто пытался прочитать не слова, а мысли. Потом перевёл взгляд на… пустоту рядом с Сержем. И улыбнулся — не насмешливо, а как будто увидел что-то знакомое.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Я проведу тебя до подножия. Дальше — как решит гора. Но запомни: в горах нельзя спешить. Там время течёт иначе. И если ты будешь торопиться, гора просто перестанет тебя замечать.

— Договорились, — быстро сказал Серж, боясь, что проводник передумает. — Мы будем идти медленно. Очень медленно.

— И не спорьте с камнями, — добавил Лао Чжоу, поправляя мешок. — Камни в горах упрямы. Они помнят всё, даже то, что люди давно забыли.

Пока они шли к выходу с рынка, таракан не мог сдержать восторга:

— Ты слышал? Он согласился! И даже не попросил золота. Хотя, честно говоря, я бы удивился, если бы он его попросил. В таких историях золото обычно не помогает. Зато помогает… ну, не знаю… честность? Или просто умение не наступать на камни.

— Или умение слушать тишину, — напомнил Серж.

— Вот это уже сложнее. Я привык, что тишина — это когда ты не говоришь. А оказывается, тишина — это когда мир говорит, а ты слушаешь. Неудобно. Приходится молчать.

Лао Чжоу вёл их по городу, потом по окраине, где дома становились реже, а вместо улиц появлялись тропы, протоптанные не людьми, а временем. По дороге он почти не разговаривал, но время от времени указывал на что-то: на камень необычной формы, на дерево, растущее под странным углом, на след, который мог принадлежать оленю или чему-то другому.

В кабинке спутниковой связи, развёрнутой на базе в провинции Цинхай, оператор с погонами, которых не существовало ни в одной армии мира, принимал зашифрованное сообщение. Текст пришёл коротким, сжатым, без лишних слов — как и положено полевому донесению:

«Объект Серый вышел в направлении Куньлуня. Сопровождаю. Маршрут стандартный, через ущелье Лунтань. Физическое состояние: стабильное. Психологическое состояние: сосредоточен, но тревожен. Аномалий в поведении не зафиксировано. Рекомендую: продолжить наблюдение без вмешательства. Дальнейшее сопровождение — по обстоятельствам».

Оператор пробежал глазами, поставил штамп «Входящий, приоритет 2» и переслал по защищённому каналу. Через тридцать секунд сообщение лежало на экране лысого мужчины.

— «Сопровождаю», — прочитал он вслух. — Значит, наш человек близко.

— Кто это? — спросил помощник.

— Не твоё дело, — ответил лысый ровно, без раздражения. Просто так было заведено: каждый знал свой уровень, а лишние вопросы считались непрофессиональными. — Но я скажу тебе другое: если наш человек пишет «сопровождаю», значит, объект в надёжных руках. Пока что.

— А если объект попытается подняться выше?

— Тогда наш человек сообщит. И тогда мы решим. Пока — ждём. Спутник держит зону?

— Да. Инфракрасный и радиочастотный мониторинг круглосуточно. Если в зоне появится аномальный всплеск — сработает тревога.

— Хорошо, — лысый откинулся на стуле. — Знаешь, что самое сложное в нашей работе?

— Что?

— Не вмешиваться. Стоять рядом и смотреть, как человек идёт туда, где ты не можешь его защитить. И понимать, что если ты вмешаешься — может случиться хуже, чем если не вмешаешься. Это как следить за химической реакцией: если открыть колбу слишком рано — всё испарится. А если поздно — взорвётся. Нужно поймать момент.

— Здесь тропа делится, — сказал он однажды, останавливаясь у развилки. — Одна ведёт к деревне. Другая — в горы. Если ты уверен, что хочешь идти дальше, поворачивайте направо. Но помни: после этого поворота дороги назад не будет. Не в смысле «нельзя вернуться», а в смысле «ты уже не будешь тем, кто уходил».

Серж посмотрел на тропу, уходящую вверх, в туман, который цеплялся за склоны, как старая шаль. Где-то там, за этим туманом, ждала гора. И, возможно, ответы. Или новые вопросы — что, в общем-то, одно и то же.

— Ну что, — тихо сказал он, — идём.

— Конечно, идём, — отозвался таракан. — А то я уже начал привыкать к мысли, что мы просто долго гуляем по красивым местам. Но нет, у нас же великое предназначение. Поиск смысла жизни, спасение мира или хотя бы одного таракана от скуки.

Лао Чжоу кивнул, будто услышал, и первым шагнул на тропу. Серж последовал за ним, чувствуя, как с каждым шагом город остаётся позади, а впереди раскрывается что-то новое — огромное, древнее и немного пугающее.

Тропа становилась всё круче, камни под ногами были неровными, и идти приходилось осторожно. Иногда Лао Чжоу останавливался, прислушивался к чему-то, чего Серж не слышал, и кивал, будто получал ответ.

— Знаешь, — прошептал таракан, когда они в очередной раз остановились, чтобы перевести дух, — я начинаю понимать, почему в легендах герои всегда такие уставшие. Это не от подвигов. Это от ходьбы. Горы — они как будто специально построены так, чтобы ты понял: ты маленький, а мир большой.

— Зато ты можешь гордиться, — ответил Серж, вытирая пот со лба. — Ты ведь тоже идёшь. Не на своих лапках, конечно, но всё равно.

— Я иду морально, — важно сказал таракан. — Это даже тяжелее. Морально уставать — это особый вид искусства.

К вечеру они добрались до небольшой стоянки у подножия горы — плоской площадки, окружённой валунами, где ветер гудел в расщелинах, как в пустых бутылках. Лао Чжоу развёл костёр, достал из мешка лепёшки и сушёное мясо.

— Здесь мы остановимся на ночь, — сказал он. — Завтра ты пойдёшь дальше. Один. Я не могу подняться выше. У меня свои границы, и я их уважаю.

— Спасибо, — просто сказал Серж. — За всё.

Лао Чжоу кивнул.

— Не благодари. Дорога сама выбирает, кого вести. Я только показал направление. Остальное — ваше.

Когда костёр разгорелся, небо стало тёмно-синим, почти чёрным, и звёзды высыпали на нём, как рассыпанные монеты. Серж сел рядом с огнём, чувствуя, как тепло проникает в уставшие мышцы, несмотря на его выносливость, доставшуюся от слияния с тараканом. Таракан притих, будто тоже слушал тишину — ту самую, о которой говорила госпожа Минь.

— Думаешь, гора нас примет? — тихо спросил Серж, глядя на тёмный силуэт впереди.

— Думаю, — ответил таракан после паузы, — она уже нас заметила. Просто пока не решила, пускать или нет. Но знаешь, что? Мы ведь не обманываем. Мы правда не ищем выгоды. Ну, разве что чуть-чуть. Совсем капельку.

Серж улыбнулся.

— Совсем капельку, — согласился он.

И в этот момент ветер стих, и тишина стала такой густой, что её можно было потрогать. И в этой тишине Серж вдруг понял: они уже на пути. И путь — это не только дорога к горе. Это то, что происходит с тобой, пока ты по ней идёшь.

Костёр потрескивал, будто перешёптывался с камнями: те отвечали глухим, почти неслышным гулом, как будто внутри них тоже тлел какой-то древний огонь. Серж подбросил в пламя ещё пару сухих веток, и искры взлетели вверх, чтобы тут же раствориться в бархатной темноте, слившись со звёздами.

Лао Чжоу сидел напротив, скрестив ноги, и смотрел на огонь так, будто видел в нём не просто пламя, а целую историю — длинную, запутанную, с поворотами и неожиданными героями.

— В горах, — тихо сказал он, не отрывая взгляда от костра, — камни не просто лежат. Они слушают. И если ты шумишь, они тревожатся. А потревоженный камень — это плохая примета. Он может покатиться прямо тебе под ноги.

Серж усмехнулся, но в груди что-то ёкнуло — не от страха, а от странного ощущения, будто мир вокруг стал чуть больше и чуть живее, чем он привык думать.

— Расскажи ещё что-нибудь, — попросил он. — Что-нибудь… такое, чтобы понять, с чем могу завтра столкнуться.

Лао Чжоу помолчал, будто прислушиваясь к чему-то, чего не слышали остальные. Потом кивнул, словно получил невидимое разрешение.

— Есть легенда, — начал он, и голос его стал мягче, будто подстраивался под шёпот ветра, — о том, как Куньлунь однажды ушла. Да, именно ушла. Не рухнула, не рассыпалась — просто шагнула в сторону, чтобы пропустить реку, которая текла не туда. Река была упрямой, как все реки, и хотела пробиться сквозь гору. А гора была мудрой, как все старые горы, и решила не спорить. Она отошла в сторону, дала воде пройти. Но с тех пор говорят, что Куньлунь умеет ходить. Тихо, медленно, когда никто не смотрит.

— Это ведь метафора, — утверждал Серж, будто только что разоблачил тысячелетнюю мистификацию. — Горы не ходят. Это физически невозможно.

— Физически невозможно, — спокойно согласился Лао Чжоу, — если мерить мир линейкой. Но горы мерили мир веками. У них другая математика.

— У них… другая математика? — переспросил Серж, чувствуя, как по спине пробегает лёгкий холодок — не от холода, а от того, как странно и в то же время убедительно звучали эти слова.

— Да, — кивнул проводник. — Например, один шаг горы равен тысяче лет человеческих шагов. Или одному решению, которое меняет всё. Иногда достаточно просто не свернуть, когда хочется. Иногда — свернуть, когда страшно. Гора считает такие шаги. И запоминает тех, кто их делает.

Таракан переваривал услышанное, а потом выдал:

— Знаешь, Серж, я начинаю подозревать, что мы не просто в поход собрались. Мы, кажется, сдаём экзамен. Причём без подготовки. И без шпаргалок. Даже я не могу ничего подсмотреть — у меня нет интернета в голове, только старые анекдоты и смутные воспоминания о том, как вкусно пахнет подгоревший хлеб.

— Я вижу у тебя есть честность, — мягко заметил Лао Чжоу. — А в горах это редкая вещь. Её ценят даже больше, чем золото. Золото блестит, но не греет. А честность — греет. Особенно ночью, когда вокруг одни тени.

Серж посмотрел на тёмный силуэт горы, который нависал над ними, как огромная молчаливая стена. Казалось, она действительно прислушивается — не к словам, а к тому, что прячется за ними. К сомнениям, страхам, надеждам.

— А что ещё говорят про Куньлунь? — спросил он. — Про тех, кто пытался туда подняться… и не вернулся.

Лао Чжоу снова помолчал, подбирая слова, будто боялся потревожить тишину слишком громким звуком.

— Говорят, — наконец произнёс он, — что гора не держит людей. Она просто перестаёт их замечать. Человек идёт, карабкается, хватается за камни, потеет, устаёт — а гора его не видит. Потому что он идёт не к ней, а мимо неё. Мимо её тишины, мимо её памяти. Он ищет не ответы, а подтверждение своих страхов, пытаясь её покорить. А гора не даёт подтверждений. Она даёт только пространство — чтобы ты мог услышать себя.

— Звучит… жестоко, — тихо сказал Серж.

— Нет, — покачал головой Лао Чжоу. — Звучит честно. Горы не умеют лгать. Они просто есть. И если ты стоишь перед горой и кричишь: «Я хочу бессмертия!» — она ответит тебе эхом: «Бессмертия… бессмертия… бессмертия…» И ты поймёшь, что это не её слово. Это твоё. И тебе с ним жить.

Ветер вдруг усилился, взъерошил волосы Сержа и будто бы шепнул что-то на незнакомом языке. Таракан вздрогнул.

— Ты это слышал? Или мне показалось?

— Я слышал, — спокойно ответил Лао Чжоу. — Это гора поздоровалась.

— Она… поздоровалась? — таракан явно пытался совместить услышанное со своей внутренней логикой. — То есть ветер — это её голос? спросил Серж.

— Ветер — её дыхание, — поправил проводник. — А голос у неё другой. Тихий. Такой, что его слышно только тогда, когда ты сам замолкаешь.

Серж вдруг почувствовал, как усталость уходит, уступая место странному, почти детскому любопытству. Ему захотелось не просто подняться на гору, а понять её — как понимают старого, мудрого друга, который говорит мало, но каждое слово у него на вес золота.

— А если… — начал он осторожно, — если я просто скажу ей правду? Что я не знаю, зачем иду. Что бегу от чего-то… и ищу что-то, но сам не могу назвать, что именно?

Лао Чжоу улыбнулся — впервые за весь вечер улыбка тронула его губы, лёгкая, едва заметная, как рассвет на далёком склоне.

— Тогда, — сказал он, — она, возможно, примет тебя. Потому что правда — это самый короткий путь. Даже если он ведёт в темноту.

Костёр начал потихоньку гаснуть, угли краснели, как уставшие глаза, и отбрасывали неровные тени на лица. Лао Чжоу достал из мешка ещё одну лепёшку, разломил её на три части и протянул одну Сержу, одну — будто в пустоту рядом с ним, и одну оставил себе.

— Ешьте, — сказал он. — Завтра будет длинный день. И не только из-за дороги.

— Спасибо, — тихо ответил Серж, принимая лепёшку. — За всё.

— Не благодари, — снова повторил Лао Чжоу, но теперь в его голосе звучало что-то тёплое, почти отеческое. — Просто помни: когда будешь подниматься, смотри не только под ноги. Смотри и вверх. Иногда ответы приходят оттуда, откуда не ждёшь.

Когда они устроились на ночлег, завернувшись в тонкие одеяла, Серж долго не мог уснуть. Гора стояла перед глазами — огромная, тёмная, живая. И ему казалось, что она не просто ждёт, а выбирает: примет или нет.

Таракан тоже не спал. Он устроился где-то на краю сознания и тихо бормотал:

— Знаешь, если завтра гора скажет: «Извините, мест нет», я не обижусь. Честно. Я даже пойму. У неё там, наверное, очередь из философов, бессмертных и просто любопытных. Но если она всё-таки пустит… я хочу увидеть персик. Один маленький персик. Не для бессмертия. Просто чтобы попробовать. Интересно же, из-за чего весь сыр-бор.

Серж улыбнулся в темноте:

— Договорились. Один персик. Если гора позволит.

— И чтобы без косточек, — добавил таракан уже почти сонным голосом. — Косточки — это лишнее.

Тишина вокруг стала густой и тёплой, как старое одеяло. Ветер стих, звёзды мерцали, будто подмигивали, а гора стояла, молчаливая и величественная, и, казалось, тоже прислушивалась — к их дыханию, к их мыслям, к их маленьким, человеческим надеждам. И в этой тишине Серж вдруг понял, что уже не боится. Он был готов к тому, что ждёт их завтра. Готов к пути. Готов к ответам. Или к новым вопросам — что, в сущности, было почти одно и то же.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.